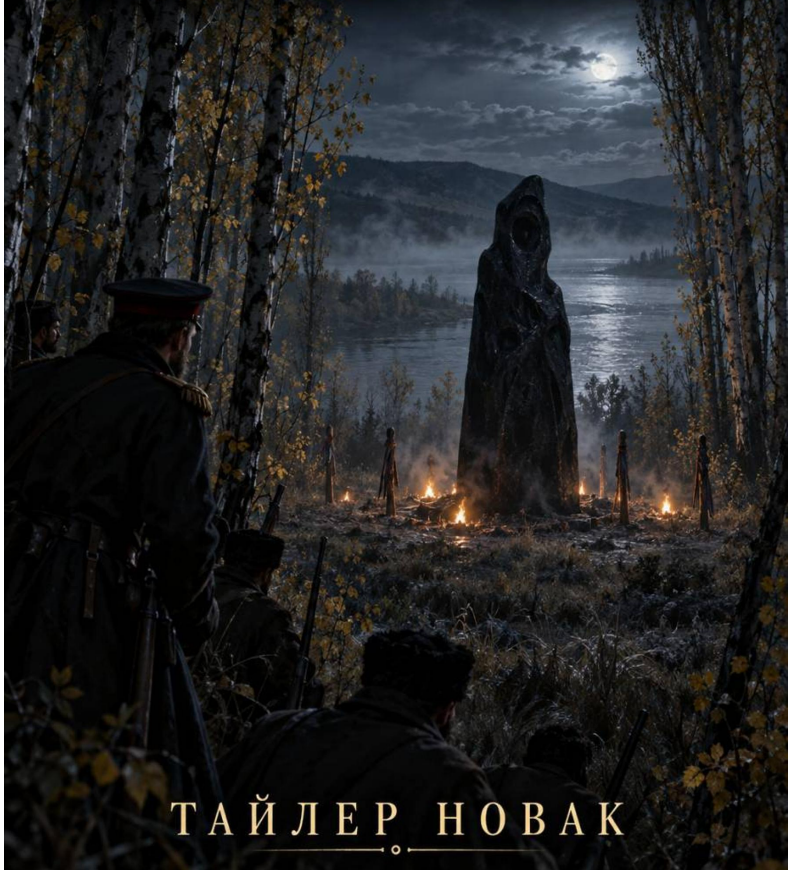

ЧЁРНЫЙ ИДОЛ АТАМАНСКОГО ОСТРОВА

ТАЙЛЕР НОВАК

Tyler Nowak

Чёрный Идол

Атоманского Острова

<https://litres.ru/74546612>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сентябре 1893 года поручик Аркадий Ливенцев получает обычный на первый взгляд приказ: отправиться на Атаманский остров и задержать шайку беглых варнаков. Но уже первая ночь показывает: на острове скрываются не просто преступники. Среди тополей, тумана и холодной речной сырости люди проводят странный ритуал вокруг чёрного идола, который не отражает свет и будто смотрит из самой глубины земли.

Официальные бумаги назовут это дело столкновением с беглыми каторжниками. Но в личной тетради Ливенцева останется другая правда: о голосах под островом, о древнем знаке, о жертвах, которых «отдают вниз», и о силе, что связывает Атаманский остров с Бобровкой, Варначкой, Седлухой и другими местами, где земля помнит больше, чем человек способен вынести.

«Чёрный идол Атаманского острова» — мрачный исторический хоррор из цикла «Бобровка» о страхе, который не приходит извне. Он всегда был под ногами.

Содержание

Аннотация	5
Предуведомление	6
Из тетради поручика А. П. Ливенцева	8
3 сентября 1893 года	8
4 сентября. Ночь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Tyler Nowak
Чёрный Идол
Атоманского Острова

ЧЕРНЫЙ ИДОЛ АТАМАНСКОГО ОСТРОВА

Тайлер Новак

Рассказ из цикла «Бобровка»

Аннотация

В сентябре 1893 года поручик Аркадий Ливенцев получает обычный на первый взгляд приказ: отправиться на Атаманский остров и задержать шайку беглых варнаков. Но уже первая ночь показывает: на острове скрываются не просто преступники. Среди тополей, тумана и холодной речной сырости люди проводят странный ритуал вокруг черного идола, который не отражает свет и будто смотрит из самой глубины земли.

Официальные бумаги назовут это дело столкновением с беглыми каторжниками. Но в личной тетради Ливенцева останется другая правда: о голосах под островом, о древнем знаке, о жертвах, которых отдают вниз, и о силе, что связывает Атаманский остров с Бобровкой, Варначкой, Седлухой и другими местами, где земля помнит больше, чем человек способен вынести.

«Черный идол Атаманского острова» - мрачный исторический хоррор из цикла «Бобровка» о страхе, который не приходит извне. Он всегда был под ногами.

Предуведомление

Тетрадь, с которой начинается нижеследующее повествование, была найдена не в архиве, где ей, казалось бы, надлежало лежать между делами о беглых каторжных и казенными рапортами о речных переправах, а в деревянном ящике из-под свечей, на чердаке старого дома неподалеку от Бобровки. Бумага ее отсырела по краям, чернила местами расплзлись, но большая часть записей сохранилась с той неприятной ясностью, какая бывает у вещей, переживших человека не по праву, а по злой настойчивости.

На обложке рукой твердой, хотя и несколько торопливой, было выведено:

"Записки поручика Аркадия Павловича Ливенцева о деле на Атаманском острове. Сентябрь 1893 года. Не для представления начальству".

Последняя фраза была подчеркнута дважды.

К тетради была приложена узкая полоска темной ткани, завернутая в церковную бумагу, и крошечный осколок вещества, похожего на камень, но слишком гладкого, слишком тяжелого для своего размера и совершенно не желавшего нагреваться в ладони. На ткани угадывался отпечаток круга, а в круге - три коротких луча, поставленных не наружу, как изображают солнце, а внутрь.

Та же фигура, если верить позднейшим рассказам, встре-

чалась потом на обломках у Варначки, на стенке погреба в одном из домов Бобровки и, уже в советское время, на куске керна, поднятого геологами из скважины за Мочалкой.

Далее текст приводится без исправлений, кроме очевидных описок.

Из тетради поручика А. П. Ливенцева

3 сентября 1893 года

К вечеру я получил приказ, изложенный в выражениях столь сухих, что за ними легко угадывался страх. Мне предписывалось немедленно выехать к Атаманскому острову и принять меры к задержанию шайки беглых варнаков, будто бы скрывавшихся там с конца августа.

Обыкновенное дело, если бы не одна подробность.

В донесениях говорилось, что люди эти не грабят, не требуют провианта, не выходят к переправам и не пытаются уйти дальше. Они сидят на острове, жгут по ночам костры и поют.

Слово "поют" было выведено в рапорте исправника неуверенно, будто писавший хотел заменить его другим, но не нашел такого, которое не выглядело бы нелепостью на казенной бумаге.

Я прибыл к реке уже в сумерках. Сентябрь стоял сырой, желтый, с тем тяжелым холодком, который еще не зима, но уже отнимает у человека охоту говорить громко. Листья тополя шуршали под сапогами так сухо и мелко, словно кто-

то невидимый пересыпал за спиной горсти старой бумаги.

Атаманский остров темнел посреди воды низкой, заросшей громадой. С одного края он был весь в тополях, тесных, кривых, с белесыми стволами, похожими в сумерках на кости, поставленные стоймя. Другой край, обращенный к протоке, лежал открытым, травяным и пустым. Там ничего не росло, кроме жесткой серой травы, прижатой ветром к земле.

Урядник Суханов, встретивший меня у лодок, снял шапку и сказал:

- Ваше благородие, туда ночью лучше не ходить.

Я спросил, видел ли он сам варнаков.

Он ответил не сразу.

- Людей видел. Только не скажу, что они все еще люди.

Я не люблю подобных выражений. В службе они вредны. Человек, сказавший "не люди", уже наполовину проиграл страху и потому годится разве что для караула при амбаре. Но Суханов был не из болтунов. Лицо у него было загорелое, костистое, с прожилками у носа; глаза - внимательные, уставшие. Таких людей не учат пугаться на пустом месте.

С нами было пятеро: я, Суханов, казак Митрий Караулов, переводчик Семен Хмара, молодой нижний чин Федоров и старый стрелок Копылов, которого прислали как человека, знавшего реку. Кроме того, при лодках оставили двух местных рыбаков, обязанных ждать до утра.

Я решил перейти на остров до полуночи, но не сразу при-

ближаться к огням, а лечь в тополях и наблюдать. Если варнаки действительно там, они будут взяты на рассвете, когда сон и холод делают человека беспечнее.

Суханов на это ничего не сказал, только перекрестился так быстро, будто стыдился своего движения.

4 сентября. Ночь

Пишу при огарке, уже вернувшись на левый берег. Рука еще дрожит, хотя я не ранен.

Мы переправились около одиннадцати. Вода была черна и неподвижна до странности: весла входили в нее без всплеска, как в масло. Посередине протоки я заметил, что шум города и собак остался за спиной не постепенно, а сразу, будто кто-то закрыл дверь.

На острове пахло мокрой корой, тиной и чем-то сладковатым, неприятно напоминавшим о старых погребах, где сгнили яблоки. Тополя стояли тесно; их листья, еще не облетевшие до конца, шептались наверху, но этот шепот не совпадал с ветром. Иногда казалось, что он бежит против него.

Мы шли цепью. Суханов впереди, я за ним, далее Хмара, Караулов, Федоров и Копылов. Я приказал не говорить и не курить.

Огонь увидели не сразу. Сначала стало светлее между стволами, потом деревья поредели, и мы вышли к краю открытого места. Там, где днем, вероятно, была голая трава, теперь стояло желто-красное зарево. В середине поляны горел костер, но пламя его не поднималось вверх. Оно ложилось низко, стелилось вокруг черного предмета, поставленного на землю, и оттого казалось, что горит не хворост, а сама почва.

Людей вокруг было одиннадцать или двенадцать. Я говорю "людей" лишь потому, что иного слова не имею. Они стояли в круге, склонив головы, и двигались медленно, будто каждый шаг давался им после долгого усилия. Одежда на них была рваная, каторжная, но поверх нее у некоторых висели полосы темной ткани, перевязанные через грудь. Лиц я не разглядел; они казались замазанными сажей.

Пение их было не пением.

Я слышал на службе молитвы, пьяные песни арестантов, бабьи причитания над покойником, степной протяжный напев ночью у костра. То, что доносилось с поляны, не походило ни на одно. Оно состояло из низких звуков, повторявшихся в таком порядке, что человеческое ухо сперва принимало их за бессмыслицу, а потом вдруг начинало ждать следующего звука с тем противным внутренним напряжением, какое бывает перед ударом.

Хмара, стоявший рядом, прошептал:

- Это не по-русски.

Я спросил глазами, знает ли он язык.

Он побледнел и едва слышно сказал:

- Это вообще не язык. Но они понимают, что говорят.

Черный предмет в середине круга был высотой по грудь человеку. На первый взгляд он напоминал идола: не потому, что имел лицо или руки, а потому, что всякая вещь, поставленная посреди огня и человеческого круга, немедленно становится идолом, даже если это простой камень. Но этот ка-

мень простым не был.

Он был черен не как уголь и не как железо, а как отверстие в стене, за которым нет света. Костер освещал все вокруг, кроме него. Пламя облизывало его основание, но поверхность оставалась ровной, темной, без блика. И все же я видел на ней знаки: круг, три луча внутрь, затем короткие насечки, расположенные так, что глаз не мог решить, письмена это или трещины.

У ног идола лежало что-то завернутое в мешковину.

Федоров, молодой и горячий, поднял ружье. Я успел нажать ему на ствол.

- Ждать, - сказал я.

Но ждать было уже нельзя.

Один из стоявших у костра поднял голову. Я готов поклясться, что он не мог нас видеть: между нами было не менее сорока шагов, деревья, темнота и дым. Но он повернулся прямо туда, где лежали мы. Остальные сделали то же. Все сразу.

Караулов выругался шепотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.